

DOI 10.15826/qr.2017.4.276
УДК 821.161.1-1+821.161.3-1+82'06

СГУЩЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО СМЫСЛА*

Рец. на кн.: Книга стихов как феномен России и Беларуси /
Н. В. Барковская, У. Ю. Верина, Л. Д. Гутрина, В. Ю. Жибуль. –
М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. – 674 с.

Татьяна Снигирева

Уральский федеральный университет,
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

THE CONCENTRATION OF CULTURAL MEANING

Rev. of: The Poetry Book as a Phenomenon of Russia and Belarus /
N. V. Barkovskaya, U. Yu. Verina, L. Gutrina, V. Yu. Zhibul. – Moscow ;
Yekaterinburg : Kabinetnyi uchenyi, 2016. – 674 p.

Tatiana Snigireva

Ural Federal University,
Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of RAS,
Yekaterinburg, Russia

This review considers a joint work written by two scholars representing the Belarusian and Russian philological schools which studies issues of the theory and history of books of poetry. The subject of the study allows the authors to consider both elitist poetry and the phenomenon of mass poetry, combine the achievements of academic literary criticism with observations of literary criticism, analyse the tendencies characteristic of various aesthetic and artistic systems, and explore the dialectics of traditions and innovation. According to the book under review, a poetry book is an element of cultural space, and since it is part of the processes of directed institutionalisation, it is functionally addressed to both the author and the reader. The introductory chapter of the study is devoted to the theory of a poetry book as a complex super-genre unity. The three main chapters focus on the contemporary poetic situation. They consider the structural features of books of poetry, their role in their authors' creative biographies, and describe a number of sociocultural functions, most particularly the formation of regional or generational identity, interethnic cooperation, and the coexistence of social

* *Citation:* Snigireva, T. (2017). The Concentration of Cultural Meaning. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 1208–1214. DOI 10.15826/qr.2017.4.276.

Цитирование: Snigireva T. The Concentration of Cultural Meaning // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1208–1214. DOI 10.15826/qr.2017.4.276 / Снигирева Т. Сгущение культурного смысла // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 1208–1214. DOI 10.15826/qr.2017.4.276.

analytics and individual mythmaking. Additionally, the authors also consider components included into poetry books from “non-books” and mass culture such as the Internet, CDs, and objects of social and pop art. The modern poetic situation in Russia and Belarus is defined as one full of artistic discoveries, as new sociocultural circumstances generate new poetic strategies, new genre formations, a transformation of the basic foundations of the rhythmic organisation of verses, and poetic vocabulary. The author concludes that the study of the peculiarities of modern Russian and Belarusian poetry in the dominant form of a poetry book substantially enriches knowledge of the basic tendencies of contemporary literature as a whole.

Keywords: Russian poetry; Belarusian poetry; the genre of a poetry book; socio-cultural context; traditions; innovation.

В рецензии представлена совместная монография об исследовании теории и истории стихотворных книг, их функции в современной культуре России и Белоруссии, написанная учеными двух (белорусской и русской) филологических школ. Книга стихов, избранная в качестве предмета исследования, позволила рассмотреть как элитарную поэзию, так и явления массового стихотворчества, объединить достижения академического литературоведения с литературной критикой, проанализировать тенденции, характерные для различных эстетических и художественных систем, изучить диалектику традиций и новаторства. В монографии книга стихов является элементом культурного пространства и, будучи включена в процессы направленной институционализации, функционально обращена как к автору, так и к читателю. Прологовая глава исследования посвящена теории поэтической книги как сложному сверхжанровому единству. Три основные главы обращены к современной поэтической ситуации. Рассмотрены структурные особенности стихотворных книг, роль книги стихов в творческой биографии авторов, описан ряд социокультурных функций, таких как формирование региональной или поколенческой идентичности, межнациональных взаимодействий, сосуществование социальной аналитики и индивидуального мифотворчества. Рассмотрены компоненты, вошедшие в книгу из «некнижной» культуры – Интернет, диск, факты соц и поп-арта как составляющие социокультурный контекст. Современная поэтическая ситуация в России и Белоруссии определяется как богатая разнообразием художественных поисков, поскольку новые социокультурные обстоятельства порождают новые поэтические стратегии, возникновение новых жанровых образований, трансформацию базовых основ ритмической организации стиховой речи и поэтической лексики. Делается вывод о том, что исследование особенностей современной русской и белорусской поэзии в доминирующей форме книги стихов существенно обогащает знание основных тенденций современной литературы в целом.

Ключевые слова: русская поэзия; белорусская поэзия; жанр книги стихов; социокультурный контекст; традиции; новаторство.

На первых страницах более чем шестисотстраничного труда читаем: «Книга – это всегда поступок, акт, событие в культурном пространстве» (с. 12)¹. Так сказано о книге стихов, но так можно сказать и об исследовании, ей посвященной. Коллективу авторов необходим был определенный запас смелости, помноженный на известную «энергию заблуждения», без которой, по В. Шкловскому, невозможен никакой творческий результат. Труд является итогом многолетней научной рефлексии четырех авторов, работающих в совпадающем филологическом пространстве, но разъединенных и географически, и поколенчески, имеющих свои субъективные пристрастия и свой индивидуальный стиль.

Уже первое очерчивание круга проблем, решение которых будет крепить монографию, свидетельствует о том, что книга планировалась «по стрелкам выверенных правил»: «Книга стихов, избранная в качестве объекта исследования, позволяет рассмотреть как “высокую” поэзию, так и массовую литературу, объединить достижения академического литературоведения с наблюдениями литературной критики, проанализировать тенденции, характерные для различных эстетических и художественных систем, исследовать диалектику традиций и новаторства.

Книга стихов является элементом культурного пространства, фактом “поля литературы”, включена в процессы направленной институционализации (в частности, в книжные серии, издательские проекты) и в этом качестве функционально обращена как к автору, так и к читателю» (с. 10). Книга стихов имеет свои законы построения, отсюда возникает ощутимая необходимость первой главы монографии «Книга стихов: теория и история». Возвращение к опыту поэзии Серебряного века (книга как жизнетворчество), обзор книги стихов как особого жанрового образования в русской и белорусской поэзии показывают безусловную замечательную особенность монографии: строгий академизм в построении теоретических оснований анализа феномена органично соединяется с умением найти явные лакуны в, казалось бы, очевидном материале, с виртуозным анализом стихотворного текста (см., например, сопоставительный анализ верлибра А. Блока и М. Богдановича).

Главным «героем» второй главы монографии «Структура стихотворных книг» становится анализ поэтического текста, дополненный типологическими построениями. Так, исследование «рамочного текста» (на материале книг «Книга называется» С. Литвак, «Трибюты и оммажи» В. Ермолаева, «Стихи и проза в одном томе» М. Степановой, «Ассорти» В. Быванова), проведенное с учетом большого историко-литературного материала, позволяет говорить о существовании трех способов названия книги – изошренности и псевдожанровости, отказа от нее и нейтрального варианта.

Исследование архитектоники и метасюжета поэтической книги («Стрелочница» Е. Исаевой, «Интимный дневник отличницы»

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием номеров страниц.

и «Ручная кладь» В. Павловой, «Полет динозавра» С. Бирюкова) приводит авторов к выявлению качественной особенности современного способа поэтического волеизъявления, которая обозначена ими как «новый эпос»: «...это анализ актуальной социокультурной ситуации, проблематизация новой (постсоветской) идентичности, опровержение/восстановление традиций, проработка исторических травм. Не случайно в критике появился новый термин “лирический эпос”, применяемый по отношению к книгам стихов Марины Степановой, Елены Фанайловой, Андрея Родионова и др. Обсуждается феномен “персонажной лирики”, “лирики Другого”; все чаще публикуются “монтажные” книги, включающие и стихи, и прозу; активно развивается и промежуточная форма “стихопрозы”. Возникает вопрос: каким образом эпический материал ассимилируется лирикой? Какой концептуальный смысл (помимо идейно-тематического) имеет такая “трансгрессия” родовых границ лирики?» (с. 177).

Это высказывание, безусловно, концептуальный узел второй главы. Поставленный вопрос решается на разнообразном ряде стихотворных книг новейшего времени Ю. Гуголева, Б. Херсонского, А. Родионова, Л. Петрушевской. При развитии исследовательского сюжета подключается анализ книг, названия которых говорят сами за себя: «Бэтмен Сагайдачный. Крымско-херсонский эпос» А. Кабанова, «Физиология и малая история» М. Степановой (на материале книг этой поэтессы исследуется также специфика больших и малых форм в новых лиро-эпических отношениях). Особого внимания заслуживает анализ современных диффузных процессов, происходящих в пересечении пространств стиха и прозы. Проблематизируется специфика субъекта в современной прозаической миниатюре (В. Темиров, Л. Горалик, М. Гейде), что дает право сконструировать гипотезу, к которой стягиваются все фрагменты последней части второй главы: «... книга стихов как большая форма делает возможным расширение концептуальных границ лирики. Полифония субъектной организации, включение голосов “Других”, создание образа страны, региона или народа, нередко – ослабление формальных признаков стиховой речи (за счет усиления “драматургичности” или “прозаичности” дискурса) – все это позволяет книге стихов становится рассказом “о времени и о себе”» (с. 246).

Предложенную несколько провокационную гипотезу смягчает то, что авторы монографии взяли модальность возможного, и это абсолютно верное решение, поскольку в литературоведении за формулировками «лирический эпос» (в меньшей степени), и особенно «эпизация лирики», тянется длинный шлейф, не всегда положительно окрашенный. Так, теория «эпизации лирики» памятна историкам литературы как жесткий идеологический каток, проехавший по судьбе не одного поэта советской эпохи. Тезис, вынесенный в название главы, – больше, чем лирика: выражение «новый эпос» можно заменить номинацией «другая лирика». В нем, во всяком случае, нет отголосков

давнишних противостояний: «литература vs поэзия» и «эпизация лирики vs самовыражение в лирике». Демонстрация обретения современной лирикой новых качеств, которые не всегда суть ее достоинства, составляет значимость изысканий авторов.

Центральная глава монографии – «Книга в судьбе поэта» – пример строгого академического письма с точными теоретическими формулировками. Возникнув на основе анализа большого массива поэтического материала, они вскрывают характерологические черты разных творческих индивидуальностей и задают новую исследовательскую оптику – стихотворная книга в контексте творческой эволюции. Авторы не останавливаются только на традиционных вариантах (дебютные, этапные и итоговые книги стихов), в центре внимания оказываются лирические трилогии, авторские и рецептивные текстовые ансамбли, книги, изданные посмертно, книги-эпитафии (посмертные издания неподцензурных авторов на рубеже XX–XXI вв.). Анализ изданий *post mortem* позволяет сделать важный вывод: «...посмертные издания формируются в том или ином виде в зависимости от цели и воли составителя, редактора, открытости и доступности архивов – всех тех слагаемых, которые, по сути, вершат историю поэзии. Появление в 2000-х гг. книг поэтов, ранее не издававшихся, привело к изменению картины поэзии XX в., а также повлияло на актуальное состояние поэзии» (с. 366).

Четвертая глава – «Книга стихов в социокультурном контексте» – сильная кода монографии, заостренно ставящая проблемы существования книги стихов и – шире – современной поэзии в кризисном обществе. Это вопросы массовидности стихотворчества в ситуации размывания критериев оценки подлинного/неподлинного и отсутствия надежного навигатора по карте литературы, что порождает сложности полноценного диалога поэтических поколений и кризис связки «учитель – ученик», трудности региональной самоидентификации во все еще преимущественно централизованном обществе. В этом смысле гуманистический пафос филологического труда очевиден. Не единожды его авторы повторяют: только культура, книга способны противостоять хаосу, отчужденности, разобщенности, одиночеству человека.

Именно в этой части, максимально обращенной к актуальной поэзии, академическое письмо оправданно дополнено литературной критикой. Рассмотрены такие острые и неоднозначно решаемые вопросы, как статус премии «Дебют» в России и Белоруссии, роль стихов в формировании «малых сообществ», причины не уходящей ностальгии по «родному советскому», двойная адресация детских книг стихов. В центре внимания критических обзоров оказались книги эстетического эксперимента, книга стихов в эпоху Интернета и визуализации поэзии (Ника Скандилака, Е. Фанайлова, Б. Херсонский, Комар и Меламид, проекты «Kraft» и «Гражданин поэт»). В этой части особенно значимы иллюстрации (главным образом это фотографии

внешнего вида анализируемой книги стихов). Подкрепление интерпретации визуальным рядом коррелирует с не раз подчеркнутым авторами восприятием книги стихов как особого вида искусства.

Монографии присуще понимание смысло-структурных особенностей и характера функционирования современной книги стихов, реализуемое продуманной структурой, скрепами преамбулы, которая является перед каждой сменой оптики исследования актуального культурного феномена и столь же определенными финальными аккордами, завершающими каждую главу. Книге присуща и единая стратегия письма, единый алгоритм каждого имеющего свою микроцелостность фрагмента. Но тактика письма у авторов различна, и это делает книгу интригующе занимательной: проступают оригинальные черты не только тех, о ком пишут, но и тех, кто пишет.

Для письма профессора *Н. В. Барковской* (Уральский государственный педагогический университет) характерен органический синтез, что называется, крепкого академического стиля с открытой установкой на виртуального читателя, которому она открывает логику своих размышлений («По контрасту обратимся к дебютным книгам молодых екатеринбургских поэтесс...») и который может оценить скрытую иронию ее замечаний и реплик, согласиться с жесткими и точными характеристиками вариантов противостояния социума и поэта.

Ю. Верин (Белорусский государственный университет) – ученый формульно-четкого, определенного слова, стремящийся к максимальной объективности, которая подкреплена мощной доказательной базой. Но порой принципиальная дистанцированность от текстового материала сменяется сильным (но не менее формульным и точным) эмоциональным высказыванием исследователя.

Доцент *Л. Д. Гутрина* (Уральский государственный педагогический университет) – исследователь, в данный момент занимающаяся современной женской поэзией. Материал своеобразно преломляется в авторском стиле Л. Д. Гутриной с определенной долей условности, но все же можно сказать, что она пишет «белыми чернилами» – изящно, тонко, постоянно замечая и анализируя нюансы, намеки, что не мешает ей быть весьма определенной в оценках. Так, обращаясь к соотношению фоторяда и стихотворных текстов в современной поэзии («Фотосинтез» В. Полозковой и О. Паволги), она мягко, но одновременно решительно заключает: «Сама книга напоминает собой загадку, которую можно читать и слева направо, и справа налево, только вот разгадка лежит на поверхности: шифровки на уровне датировок, шрифтов, именовании авторов, посвящений – все эти игры в сложность прочитываются как игры и забавы для “своего круга”, отчего и возникает ощущение некоторой обманутости ожиданий: фотосинтеза в книге не происходит» (с. 529).

Доцент *В. Ю. Жибуль* (Белорусский государственный университет), будучи специалистом по белорусской и русской книге для детей, а также автором серии работ, посвященных поэзии Серебряного века,

открывает для читателя, особенно русскоязычного, новые поэтические страницы XX в. Подвергать анализу стихи для детей – одна из сложнейших задач: для этого необходимо найти нужную интонацию и такой филологический инструментарий, который был бы максимально адекватным и результативным, показывающим особенности книг стихов для детей как высокого искусства.

Работы В. Ю. Жибуль, посвященные «взрослой» поэзии, всегда насыщены порой неожиданными, но точными замечаниями. Анализируя посмертные современные лирические книги, изданные в Белоруссии, В. Ю. Жибуль формулирует важнейшую их особенность: «Преждевременная смерть писателя, не успевшего издать собственной книги, определяет особое восприятие его творчества как принципиально незавершенного и его посмертной книги как целостности, которая никогда не будет составлена согласно авторской воле. В результате образ автора формируется как своеобразный миф, имеющий и документальную основу, и субъективную составляющую» (с. 368).

Жаль, что найденное в научном пространстве монографии гармоничное сочетание единства исследовательской стратегии и многообразия индивидуальных авторских решений не распространяется на поэтический материал, легший в ее основу. Риск не совладать с труднообозримым массивом современной поэзии и/или стихотворчества благодаря основательности историко-теоретического описания современной книги стихов как актуального феномена культуры и четкой структурированности монографии с безусловностью преодолен. Но взятый предмет исследования с неизбежностью вызывает вопрос: как органично соединить две, пусть и национально близкие традиции создания книги стихов таким образом, чтобы общность не была утрачена, но и специфика национальной идентификации, ментальности, аксиологии (если они есть) были бы проявлены. Проблема существования/отсутствия национальной самобытности в монографии, обращенной к явлениям двух культур – России и Белоруссии – фактически ограничивается кратким обзором или, как пишут исследователи, «попыткой показать общие и национально специфические периоды в становлении и развитии такой формы, как книга стихов» (с. 11).

Позволю себе композиционно «закольцевать» рецензию, процитировав важный тезис авторов о значимости книги стихов в современном социуме, тезис, вполне применимый и к самой монографии: «При благоприятном стечении обстоятельств книга находит своих читателей и становится точкой сгущения культурного смысла, точкой, вокруг которой кристаллизуется некое сообщество. Это особенно важно в кризисные периоды ломки прежних социальных структур, когда, помимо “вертикали”, возникает необходимость “горизонтальных” связей между людьми, чтобы общество не превратилось окончательно, если использовать метафору В. Дубина, в архипелаг расплывающихся островов» (с. 378).

The article was submitted on 05.06.2017